

ИЗ ИСТОРИИ МЕТАЛЛУРГИИ ПОМОРЬЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.

Н. Устюгов

Одним из важнейших вопросов изучения прошлого русского народа является изучение истории русской промышленности, в частности металлургии. Историки большое внимание уделяли изучению этих проблем. П. Г. Любимов в своей работе «Очерки по истории металлургической и металлообрабатывающей промышленности в России», вышедшей в 1937 г., даёт общую сводку по истории промышленности, причём главное внимание он обращает на её географическое размещение. Свой обзор металлопромышленности он начинает с первых крупных заводов XVII в., основанных в районе Тулы, затем переходит к другим крупным заводам страны, построенным иностранцами, и, наконец, останавливается на кустаном производстве железа в ручных кузницах, разбросанных по всей территории России. Его обзор далеко не полон. П. Г. Любимов незаслуженно мало внимания уделил восточной половине Поморья. Правда, ссылаясь на работу К. В. Базилевича о торговле Великого Устюга в середине XVII в.¹, он отмечает наличие железорудных разработок в Белослудском стане, Устюжского уезда, но это беглое замечание не даёт надлежащего представления о металлургии восточного Поморья. Между тем этот вопрос заслуживает более пристального внимания. Поморье было одним из важнейших экономических районов Московского государства в XVII веке. В восточном Поморье был свой центр добычи железной руды, были свои пункты обработки железа, были и рынки сбыта железных изделий. Следует обратить внимание и ещё на одно обстоятельство. Во второй половине XVII в., особенно в конце его и в первые годы XVIII в., зарождается металлургия Урала. Квалифицированная рабочая сила для уральских заводов вербовалась не только на тульских, кашинских и павловских заводах, но и в Поморье.

Настоящая статья не претендует на исчерпывающую характеристику металлургии Поморья. Автор ставит себе более скромную задачу — определить крупнейшие центры металлообработки в восточной части Поморья в первой половине XVII в., охарактеризовать условия труда поморских кузнецов, указать рынки сбыта железных изделий.

Наиболее крупными центрами металлообработки в восточной части Поморья в первой половине XVII в. являлись Устюг Великий, Соль Вычегодская и Тотма. По писцовым книгам 20-х годов XVII в., в Устюге Великом было 47 кузниц, в Соли Вычегод-

ской — 21, в Тотме — 8². Железо эти кузницы получали главным образом из Белослудского стана, Устюжского уезда, где добывалась болотная руда и плавилась в устроенных на месте горнах. По устюжской писцовой книге 1623—1626 гг., в этом стане было 32 горна, которые распределялись по отдельным волостям следующим образом: в Нижней Мошкуре было 6 горнов, в Бучаевой слободке — 4, в Давыдовой слободке — 8, в Цывозерской волости — 14³. Имелись горны и в соседних волостях, прилегающих к Белослудскому стану. Так, в Уфтожской волости было 4 горна, в Лябельской — 1, причём владелец одного из горнов Уфтожской волости Д. И. Лобанов брал руду «на Ратчине болоте под Карвержею Цывозерской волости за слободкою»⁴, т. е. тоже в Белослудском стане.

Железо, добываемое в этих горнах, шло на устюжский и сольвычегодский рынки как в виде полуфабриката (кричное железо), так и в изделиях (сохи-ральники). Количество железа, поступавшего на эти рынки, было довольно значительно⁵. Главными потребителями металла являлись судостроение и солеваренная промышленность. Суда делались из дерева, но сколачивались и скреплялись железными скобами и гвоздями. В соляных варницах железо шло на изготовление црена, главной части варницы⁶.

Таким образом, наличие сырья и потребности судостроения и солеваренной промышленности обусловили развитие металлообработки в Поморье.

² Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА). Писцовые книги, № 506, л. 97; № 446, л. 55, 56; № 480, л. 34.

³ ЦГАДА. Писцовая книга № 506, л. 517; 523; 529—530, 538, 539.

⁴ Там же, л. 594, 664.

⁵ Так, в 1742 (1633—1634) г. в Устюг Великий было доставлено 2602 п. 6 ф. кричного железа и 578 сох, в том числе из одной Цывозерской волости 951 п. 10 ф. кричного железа и 38 сох; в 1743 (1634—1635) г. — 2183 п. 30 ф. кричного железа и 458 сох, причём на долю Цывозерской волости приходится 681 п. 10 ф. железа; в 1745 (1636—1637) г. — 1577 п. кричного железа и 356 сох, из них из Цывозерской волости 852 п. 10 ф. железа и 35 сох (ЦГАДА, Городовые книги по Устюгу Великому №№ 24, 30 и 34). В Соль Вычегодскую в 1638 г. было привезено 558 п. кричного железа и 334 сохи; за январь—август 1639 г. — 843 п. железа и 955 сох (ЦГАДА, Городовые книги по Соли Вычегодской №№ 9, 10).

⁶ Црен — квадратная железная сковорода площадью до 16 кв. саженей и глубиной до 8 вершков. На црен требовалось 140—150 пудов железа и около трёх пудов гвоздей.

¹ Базилевич К. «Торговля Великого Устюга в середине XVII в.». «Учёные записки Института истории РАН ИОН». Т. IV, стр. 95. М. 1929.

По писцовым книгам 20-х годов XVII в., в Устюге Великом значится 46 кузнецов, в Соли Вычегодской — 20, в Тотьме — 10. Несомненно, их было больше. 13 посадских людей Устюга Великого, не названных кузнецами, владели кузницами. Некоторые кузнецы не имели собственных кузниц. Сопоставление этих данных позволяет сделать вывод, что в Устюге Великом было не менее 53 кузнецов. Большинство кузнецов имело по одной кузнице, двое — по 2, а один — даже 3. 10 кузнецов вовсе не имели кузниц. Повидимому, они работали молотобойцами у владельцев кузниц. Да есть и прямые указания источников, что некоторые из посадских людей время от времени работали молотобойцами. Так, носик¹ Сидор Петров Катаев, наряду с работой на судах, «в кузницах робит молотом»².

Из 20 посадских людей Соли Вычегодской, имевших, по писцовой книге, кузнечный промысел как постоянное занятие, 10 человек владели кузницами, 11 кузниц принадлежали посадским людям, не названным в писцовой книге кузнецами. Наличие у них кузниц свидетельствует о том, что они занимались кузнечным промыслом.

Из 10 тотемских кузнецов 8 имели кузницы. Некоторые из тотемских кузнецов специализировались на изготовлении железных частей к соляным варницам: «Делает в кузнице к варницам прены и всякие варничные запасы»³.

Поморские кузнецы специализировались главным образом на изготовлении тех изделий, на которые был наибольший спрос: оборудование для соляных варниц, судовые скобы и гвозди, якоря, предметы, нужные в сельском хозяйстве и бытовом обиходе (сошники, топоры, ножи, гвозди).

Квалификация кузнецов, специалистов своего дела, была достаточно высокой. Так, кузнец Комарицкой волости Устюжского уезда, смежной с Белослудским станом, Шумило Жданов Вырачев, взятый впоследствии в Москву делать часы на Фроловской башне, славился у себя на родине как искусный мастер: работая кузнецом, он в то же время умел делать «боевые часы»⁴. Другой поморский кузнец, устюжский посадский человек Фёдор Юдин, сосланный за какие-то провинности в Симбирск, посылался в 1652 г. с места ссылки в Корсунь для устройства «боевых часов»⁵.

Кузнецы, производившие работу в собственных кузницах, работали и на рынках и на заказ. В таможенных книгах постоянно встречаются записи о продаже кузнецами продуктов своего труда. Например устюжский кузнец Родион Кириллов продал 7 мая 1643 г. устюжским ямским старостам «1000

скоб да 40 гвоздей больших и малых для починки судов»⁶. Тотемский кузнец Терентий Ермеев 5 октября 1627 г. продал солдату Ивану Фирсову 20 полиц железа⁷. Иногда кузнецы выступают и как продавцы полуфабриката — кричного железа⁸. Судовые скобы и гвозди требовались в огромном количестве для обслуживания местного судостроения. Но поморские кузнецы работали не только на местные рынки. В XVII в. было большое судостроение в Верхотурье, где строились суда для перевозки главным образом хлебных запасов на жалование сибирским служилым людям, так как Сибирь в то время ещё не имела достаточно развитого земледелия. Судовые скобы и гвозди обычно закупались на сольвычегодском и устюжском рынках. Так, в 1624—1625 гг. верхотурский таможенный подьячий Пётр Третьяков и стрелец Иван Разум купили в Соли Вычегодской 22 тыс. скоб судовых, 4500 гвоздей малых и тысячу гвоздей больших. В Устюге Великом они же купили 3 тыс. скоб судовых и 1500 гвоздей малых⁹.

При работе на заказ заказчиками являлись главным образом местные посадские люди и уездные крестьяне. Иногда поступали правительственные заказы из Москвы. Готовясь к Смоленскому походу 1632—1634 гг., московское правительство рассылало заказы на кузнечные работы по городам, где было достаточно развитое кузнечное ремесло. В 1632—1634 гг. поступили такие заказы и в три поморских посада: Устюг Великий, Соли Вычегодскую и Тотьму. Кузнецы этих городов должны были изготовить несколько сот ломов, кирок, заступов и оковать железом такое же количество деревянных лопат¹⁰.

Принимая заказ на кузнечную работу, кузнец давал своему заказчику запись, где излагались условия работы и гарантировалась добросовестность её выполнения в форме поручительства третьего лица. В случае невыполнения заказа эта запись предъявлялась земским судейкам для взыскания убытков, понесённых заказчиком. Так, в июне 1627 г. устюжский посадский человек Иван Емельянов Ходутин искал перед земскими судейками своих убытков на кузнице Богдане Никифорове Прянишникове по записи за недоделку судовых скоб и гвоздей

⁶ ЦГАДА. Город. кн. по Устюгу Великому № 58, л. 181—182. Ср. Писцовая книга № 508, л. 53.

⁷ ЦГАДА. Город. кн. по Тотьме, № 4, л. 378, ср. Писцовая книга № 480, л. 11.

⁸ ЦГАДА. Город. кн. по Тотьме, № 2, л. 415; № 4, л. 420, 530; ср. Писцовая книга № 480, л. 6—7, 121—122.

⁹ Дмитриев А. «Пермская старина». Вып. VII. «Верхотурский край в XVII в.», стр. 184. Пермь. 1897.

¹⁰ ЦГАДА. Прик. дела старых лет. 1630 г., л. № 37, л. 170—172, 208—212, 214—220; Прик. дела новой разборки, д. № 1193, л. 1—2.

¹ Носики — лощманы, проводившие суда по Сухоне и Северной Двине.

² ЦГАДА. Стлб. Оружейной палаты № 41663, л. 357—358.

³ ЦГАДА. Писцовая книга № 480, л. 16, 121—122, 123.

⁴ ЦГАДА. Приказные дела старых лет. 1631 г., д. № 30, л. 369.

⁵ Там же. 1652 г., д. № 80, л. 73—74.

и невозвращение железного лома, данного кузнецу¹.

Что касается условий труда кузнецов, его оплаты и общего размера заработка лиц, занимавшихся кузнечным промыслом, то приведенные в известность источники позволяют сделать лишь некоторые наблюдения общего характера и не дают возможности нарисовать полную картину условий труда кузнецов. Можно с несомненностью утверждать, что была известная дифференциация труда: в кузницах работали кузнецы и молотобойцы. Даже в пределах одной профессии при выполнении общей работы наблюдается некоторое различие в оплате труда, обусловленное, повидимому, разницей квалификации и размером ответственности. Так, в Тотьме на выполнении правительственного заказа 1634 г. на кирки, заступы и лопаты было занято 13 посадских кузнецов, 2 кузнеца Толшемской волости, Тотемского уезда, и 26 молотобойцев. Посадские кузнецы и молотобойцы работали в течение 12 дней, причём троем кузнецам платили по 3 алтына в день, остальным десяти — по 2 алтына. Молотобойцы получили по 1 алтыну в день. Повидимому, трое первых кузнецов были более высокой квалификации и несли главную ответственность за выполнение работы. Молотобойцы получили вдвое меньше рядовых кузнецов. Толшемские кузнецы производили лишь оковку лопат, и им за 30 лопат было уплачено 16 алтын и 4 деньги². Тотемский воевода М. В. Головачёв оплачивал работу поделно и только толшемским кузнецам заплатил сдельно. Сольвычегодский воевода В. Ф. Янов применил полностью сдельную оплату труда при расчёте за выполнение подобного же заказа сольвычегодскими кузнецами. Последние получили по 8 алтын и 2 деньги за каждый сделанный лом, по 10 денег за кирку, по 6 денег за оковку лопаты и по 10 денег за оковку заступа³.

Кузнечная работа у соляных варниц оплачивалась и сдельно и аккордно («подъёмом»). Например, варничный приказчик тотемского солеваря Гостя Гаврилова — Иоз Киприанов Кубасов — платил сдельно за изготовление запасных частей к црену и за его ремонт. За ковку крюков и двух лапок цренных он уплатил 5 алтын. За 400 гвоздей и 90 нагвоздей (заклёпок) — 13 алтын 2 деньги. За самый ремонт — в одном случае, когда он был очень незначительным и потребовалось лишь 40 цренных гвоздей, кузнец получил 16 денег. В другом случае за работу, потребовавшую замены нескольких полиц црена и употребления 400 гвоздей и 90 нагвоздей, кузнецу был уплачен рубль⁴. Голова (управляющий) казённого соляного промысла в Тотьме Естифей Кашников производил в 1675 г. капитальный ре-

монт варницы, причём он нанял Петра Жигулёва «цырен делать подъёмом» и уплатил ему за работу 5 рублей⁵. По окончании капитального ремонта и возобновлении работы варницы цренным мастерам и варничным поварам полагалось угощение. Тот же Естифей Кашников в ноябре 1675 г. поставил «в почесть цренным мастером, как затопили варницу и поваром вина и пива и колачей на 20 на 6 алтын»⁶.

Были ли обеспечены поморские кузнецы работой? Надо полагать, что были. Соляные варницы требовали постоянного ремонта не только текущего, но и капитального. При интенсивной работе варницы срок службы црена был очень короток — не более года. Голова тотемского казённого соляного промысла 7182 (1673—1674) г. Фёдор Кусков сдал голове 7183 (1674—1675) г. Григорию Анфалову «цырен ветх». Григорий Анфалов делал новый црен, а своему преемнику голове 7184 (1675—1676) г. Естифею Кашникову он сдал «цырен ветхой» и потребовалось произвести капитальный ремонт⁷. Не менее интенсивно шла работа и по изготовлению судовых скоб и гвоздей и других кузнечных изделий.

Устюг Великий кроме того был важным транзитным пунктом, и когда замерзали реки, много товаров провозилось через него на лошадях, которых нужно было ковать. А. Е. Мерцалов был склонен даже именно этим обстоятельством объяснять обилие кузниц в Устюге Великом⁸. На основании всех этих данных можно прийти к выводу, что недостатка в работе поморские кузнецы не имели.

Оплата труда кузнецов была достаточно высокой по сравнению с оплатой труда других ремесленников и лиц, работавших из найма: не каждый ремесленник зарабатывал 2 алтына в день. А при постоянном обеспечении работой это создавало и определённый материальный достаток. Вот почему большая часть кузнецов значится, по писцовым книгам, в разряде средних и молодых людей. Так, по тотемской писцовой книге 1624—1625 гг., из 10 посадских кузнецов 2 средних, 5 молодых и только 3 худых⁹. Но, конечно, были и исключения. 10 посадских кузнецов Устюга Великого не имели собственных кузниц, а об одном из них — Богдане Некрасове — писцовая книга прямо говорит, что он «бродит по миру», т. е. кормится случайной работой¹⁰.

Некоторые кузнецы наряду со своим основным промыслом имели и побочные занятия. Уже упоминавшийся устюжский кузнец Богдан Никифоров Прянишников имел до-

⁵ ЦГАДА. Город. кн. по Тотьме, № 61-6, л. 24.

⁶ Там же, л. 25.

⁷ ЦГАДА. Прик. дела старых лет. 1675 г., д. № 300, л. 8; 1676 г., д. № 50, л. 4, 14; Город. кн. по Тотьме № 61-6, л. 24—25.

⁸ Мерцалов А. «Вологодская старина. Материалы для истории Северной России», стр. 95. СПб. 1889.

⁹ ЦГАДА. Писц. кн. № 480, л. 6—7, 11, 14, 16, 121—123.

¹⁰ Там же, № 506, л. 55.

¹ Русская историческая библиотека (РИБ). Т. XXV, № 49.

² ЦГАДА. Прик. дела новой разборки, д. № 1198, л. 2.

³ ЦГАДА. Прик. дела старых лет, 1630 г., д. № 37, л. 219.

⁴ Там же. 1651 г., д. № 33, л. 11, 13—14.

шаник и в летнее время работал судовым извозчиком, т. е. занимался для перевозки чужих товаров по реке¹. Некоторые, более состоятельные кузнецы занимались торговлей, причём настолько интенсивно, что возникает мысль: не оставили ли они совершенно кузнечный промысел? Например устюжанин Фёдор Лукьянов Мазлык, названный в писцевой книге кузнецом и имевший кузницу, ведёт обширные торговые операции как в Устюге Великом, так и в Холмогорах. В Устюге и в волостях Устюжского уезда он скупает хлеб и направляет его к Холмогорам, а оттуда везёт соль, рыбу, ворвань, сало, уклад (сталь)². Устюжские кузнецы Кондратий Сидоров с сыновьями Никитой и Максимом ведут операции меньшего масштаба. Они скупают по волостям хмель и продают его либо на устюжском рынке либо отвозят в Соль Вычегодскую и в Туглими (торговое село на Выми, Яренского уезда), а оттуда привозят солёную рыбу и коровье масло³. Тотемские кузнецы Иван Лукин Тютя и Иван Матвеев торгуют хмелем и базирующийся скотом⁴.

Однако хорошо зарабатывавший поморский кузнец не был свободен от притеснений и насилий со стороны более влиятельной и богатой части посадского населения. Устюжский посадский человек Иван Емельянов Ходутин вместо того, чтобы произвести окончательный расчёт с кузнецом Богданом Никифоровым Приишниковым, делавшим по его заказу судовые скобы и гвозди, и возратить ему поручную запись, так как кузнец выполнил свои обязательства, возбудил иск против поручителя Приишникова, требуя от него возмещения своих убытков в сумме 7 р. 10 алтын. Чтобы не подводить своего поручителя, Приишников заплатил требуемые деньги, и при этом ему самому «убытка учинилось 13 рублей в беспромыслище и что товар всякой металл за бесценок»⁵. Кузнец Шумило Жданов Виравчев, бывший впоследствии часовщиком у Фроловской башни в Москве, жаловался, что в 1622 г. комирицкий таможенный и кабацкий целовальник, устюжский посадский человек Фёдор Матвеев Печацын велел схватить его, когда Виравчев пришёл к нему по делу, и кинуть в голбец и при этом потребовал: «Сделай мне боевые часы и я де тебя выпущу вон»⁶.

Если такой искусный мастер, как Виравчев, не был свободен от притеснений сильных

людей, то что же говорить о менее заметных кузнецах? Юридически независимые, кузнецы фактически подвергались эксплуатации со стороны посадской верхушки.

Положение молотобойцев, на основании тех источников, которые приведены в известность, остаётся недостаточно выясненным. Повидимому, они были наёмными людьми по записи «до урочного году», которую они давали кузнецам, т. е. они вступали во временно зависимые отношения к своим нанимателям, как и другие лица, работавшие из найма.

На поморские посады ложилась обязанность снабжать кузнецами далёкую Сибирь, где ощущался острый недостаток в квалифицированной кузнечной работе. Так, в 1645 г. в Кетский острог был направлен устюжский кузнец. В 1648 г. было велено послать на житьё в Берёзово «для всякого кузнешного и оружейного дела с Устюга Великого кузнеца доброго»⁷.

Какие же можно сделать выводы о состоянии кузнечного дела в восточном Поморье в первой половине XVII века? В Поморье был район, где добывалась болотная железная руда в количестве, достаточном для обеспечения поморских кузнецов работой. Наличие местного сырья обесценивало развитие кузнечного дела в крупнейших посадах восточного Поморья. Железные изделия, изготовлявшиеся поморскими кузнецами, находили сбыт на местных рынках и вывозились в Сибирь. Главными потребителями продуктов кузнечного труда были судостроение и солеваренная промышленность. Поморские кузнецы работали и на рынок и на заказ. Принимая заказ, кузнец давал своему заказчику запись, где излагались условия заказа и давалась гарантия его добросовестного выполнения в форме поручительства третьих лиц. Можно отметить наличие дифференциации кузнечного труда: различались кузнецы и молотобойцы. Среди кузнецов были мастера высокой квалификации, способные выполнять и тонкую работу — делать «боевые часы». Заработную плату кузнецы получали и подённо и сдельно. Общий размер заработка кузнецов был достаточно велик по сравнению с представителями других видов ремесленного труда. Хороший заработок и более или менее устойчивое положение кузнецов в посадском обществе не освобождал их от притеснений и насилий со стороны посадской верхушки. На поморские посады ложилась обязанность снабжать квалифицированными кузнецами Сибирь и зарождавшуюся уральскую металлургическую промышленность.

Из других видов металлургии следует остановиться на добыче и обработке меди. Обработка меди не имела большого развития в Поморье. Но в XVII в. велись усиленные поиски медной руды в Предуралье и на Урале и квалифицированная рабочая сила, нужная для этих розысков и разработок, вер-

¹ РИБ. Т. XXV, № 188.

² ЦГАДА. Писц. кн. № 506, л. 54, 96; Город. кн. по Устюгу Великому № 24, л. 120, 154, 155, 213, 216; № 30, л. 154, 202, 213, 221; № 34, л. 232—233.

³ ЦГАДА. Писц. кн. № 506, л. 55, 97; Город. кн. по Устюгу Великому № 21, л. 135, 210—211, 214; № 30, л. 134; № 34, л. 211, 218, 271, 297.

⁴ Там же. Писц. кн. № 480, л. 11, 16, 114; Город. кн. по Тотмю № 2, л. 379, 403, 506; № 4, л. 387, 391, 458, 407, 476, 505.

⁵ РИБ. Т. XXV, № 49.

⁶ ЦГАДА. Прик. дела старых лет. 1631 г., д. № 30, л. 369.

⁷ Там же. 1644 г., л. № 19, л. 167—169; 1647 г., л. № 127, л. 190—191.

бовалась в поморских посадах. Московское государство первой половины XVII в. почти не имело своей меди и испытывало в ней острую нужду. «Медные доски» ввозились из-за границы через Архангельский порт и направлялись в Москву. Часть их оставалась в Поморье и служила сырьём для работы мастеров-медников. Использовался для этой цели и разный медный лом.

Одним из первых медеплавильных заводов был казённый Пысковский завод близ Соли Камской. Московское правительство вело работу на этом заводе хозяйственным способом, включив её в разряд «службе», отбываемых торговыми людьми в пользу государства. Во главе завода ставился гостинной сотни торговый человек, который в течение года им и управлял. На следующий год на смену ему посылался другой. Торговый человек, стоявший во главе завода, получал из Приказа Большой казны наказ, где точно определялись его обязанности. Так, по наказу, данному 25 января 1643 г. гостинной сотни торговому человеку Ивану Онофриеву, сменившему на Пысковском заводе Кирилла Босого, управляющий разработкой должен был «у старых мест, где медная руда сыскана, велеть руду копать и в иных местах искать и из тех руд, где обьются, опыт чинить»¹. Результаты опытов следовало сообщать в Москву, а равным образом давать сведения и о стоимости работ. Квалифицированная рабочая сила присылалась из Москвы и других городов. В частности использовались провинившиеся мастера денежного дела, которые в наказание ссылались на такие разработки. Под руководством этих опытных мастеров работали чернорабочие, нанимаемые на месте. Оплата труда производилась и поделно и помесечно. Управляющий заводом был свободен в выборе условий расчёта. Он должен был заботиться лишь о том, чтобы этот расчёт был произведён «как государеве казне прибыльнее». Торговый человек осуществлял общее наблюдение за состоянием завода. Фактически работой руководили плавильщики, т. е. наиболее квалифицированные мастера медного дела. Они вместе с управляющим должны были следить, чтобы мастера и рабочие люди «делали неоплошно». За недобросовестную работу полагалось «чинить наказание, кто чего доведётца», т. е. в зависимости от размера провинности².

Квалифицированные мастера плавильного дела получали довольно высокую плату за свой труд. Когда в 1645 г. была обнаружена медная руда в Верхотурском уезде, вверх по реке Тагилу, туда были посланы из Соли Камской плавильщики, и им было назначено следующее жалование: «Олександрю Иванову корму на месяц по 4 рубли, Сенке Колокольнику — по 3 рубли с полтиною, а подплавильщиком по рублю по 20-ти по 5-ти алтын на месяц»³. Приведённые в известность источники не дают оснований для

определения размеров заработка рабочих более низкой квалификации.

Среди плавильщиков были и поморские посадские люди. Так, упомянутый Семён Колокольник некоторое время был устюжским посадским человеком. Родом вологжанин, Семён Тотский поселился на Устюге Великом, занимался колокольным делом и имел учеников, которых обучал своему мастерству. Один из учеников — Никифор Иванов Кузнецов — жил у него во дворе за его тяглом. В 7133 (1624—1625) г. Семён Колокольник «по государеву указу послан в Пермь к медному делу» и выбыл из устюжского посадского тягла. Во время сыска посадских людей в 1639—1641 гг. устюжские посадские люди пытались вернуть его в тягло, но успеха не имели. Сыска приказ определил Семёна Колокольника в тягло «не имать». Семён Колокольник работал плавильщиком на Пысковском медном заводе до 1645 года. В этом году он был послан на новые разработки меди в Верхотурский уезд на реку Тагил, а в 1646 г., во время поездки в Москву, умер⁴.

Ученик Семёна Колокольника — Никифор Иванов Кузнецов — приобрёл в Устюге Великом на посаде двор своего учителя и продолжал заниматься его ремеслом⁵. Он скупал медный лом, отливал из него новые колокола и продавал их. Следы этих его операций сохранились в устюжских таможенных книгах. Так, 22 декабря 1636 г. он приехал в Устюг из Холмогор «на лошади, привёз меди ломаной колокольной полтора пуда»⁶. 24 сентября 1634 г. он «продал в Двину черному попу (иеромонаху — Н. У.) Кирилу колокол медной, вёсом 3 пуда, ценой 10 рублей»⁷. Он тоже некоторое время работал на Пысковских медных разработках, а затем вернулся в Устюг Великий на посаде. Иногда он выступает экспертом по медному делу. Например в 1644 г. крестьянин починка Молютин, Уфтыужской волости, Устюжского уезда, Василий Евдокимов Расторгуй, бывавший в Пыскоре «у медного дела в работниках» и выдавший медную руду, обнаружил подобную же руду в Уфтыужской волости, по реке Уфтыуге. Устюжский воевода Андрей Волынский послал специальных лиц, которые осмотрели место и привезли образцы. Никифор Иванов Колокольник (Кузнецов) определил, что «то каменные колцедан, к медному делу не годитца»⁸.

Приведённые в известность источники не дают надлежащего представления об условиях труда поморских колокольников и размерах их заработка.

⁴ ЦГАДА. Стлб. Оружейной палаты № 41663, л. 363—364, 453; № 3031, л. 1; АИ. Т. IV. № 7; Шишонко В. «Пермская летопись». Т. III, стр. 73. Пермь. 1884.

⁵ ЦГАДА. Стлб. Оружейной палаты № 41663, л. 363—364.

⁶ Там же. Город. кн. по Устюгу Великому № 34, л. 255.

⁷ Там же. № 30, л. 150.

⁸ ЦГАДА. Прик. дела старых лет. 1644 г., д. № 58, л. 422—423.

¹ Берх В. «Путешествие в города Чердын и Соликамск для изыскания исторических древностей», стр. 48—49. СПб. 1821.

² Берх В. Указ. соч., стр. 48—50.

³ «Акты исторические» (АИ). Т. IV, № 7.

Медным делом, кроме колокольников, в поморских посадах занимались котельники. По устюжской писцовой книге 1623—1626 гг., в Устюге Великом на посаде значится 4 котельника, двое из которых имеют кузницы. В Соли Вычегодской в те же годы писцовая книга отмечает одного котельника. В Тотьме, по писцовой книге, нет котельников, имеется лишь один медник. Главным потребителем труда котельников являлась винокуренная промышленность — казённая и частная. Иногда котельники при казённых винных и пивных поварнях получали годовое жалованье. Например в 1619—1620 гг. чердынский котельник Кузьма Осипов получал 6 руб. годового жалованья. Московское правительство нашло такой порядок неудобным и 1 июля 1621 г. предписало чердынскому воеводе Василию Фёдоровичу Бутурлину не давать котельнику жалованья ни на 1620, ни на последующие годы, «а коли будетлучится какая поделка, и ты б к тому делу велел его наймовать и поделывать велел всякое поваренное дело из могорцу, по уговору»¹. Поскольку ремонт котлов носил временный характер, иметь постоянного мастера было нецелесообразно.

Котельный промысел не имел широкого распространения. Среди поморских посадов были и такие, где в нужную минуту не оказывалось котельного мастера. Так, 15 ноября 1629 г. тотемский таможенный и кабацкий голова Иван Завалин, сообщая в Устюжскую четверть о том, что котлы и кубы на тотемской винной поварне пришли в ветхость и что необходим срочный ремонт,

отметил, что «починивати на Тотьме некому, мастеров нет». Приказ Устюжской четверти распорядился отправить оборудование поварни в Устюг Великий и там произвести необходимый ремонт².

Правда, в Тотьме, по писцовой книге 1624—1625 гг., имеется молодой посадский человек Иван Михайлов Медного, о котором книга замечает: «Промысел его — делает медное»³. Но, повидимому, он не был квалифицированным мастером и к 1646 г. дошёл до крайней степени разорения. По переписной книге этого года, в Тотьме на посаде значится «нищей Ивашка Михайлов Медной, скупаецца в мире христовым именем»⁴. Возможно, что причиной обнищания медника была не слабость квалификации, а недостаток сырья.

Обработка меди не имела широкого распространения в поморских посадах: она не являлась их специфической особенностью, и о ней можно было бы не говорить. Но поскольку в непосредственном соседстве с Поморьем, на Урале в первой половине XVII в. начинало развиваться медное дело в достаточно крупном масштабе, на Поморье ложилась обязанность поставлять на медные разработки рабочую силу как квалифицированную (Семён Колокольник, Никифор Иванов Кузнецов), так и чернорабочих (Василий Евдокимов Расторгуй). Отметить это новое явление в жизни поморских посадов совершенно необходимо.

² ЦГАДА. Прик. дела старых лет. 1630 г., д. № 70, л. 258—260.

³ ЦГАДА, Писц. кн. № 480, л. 69.

⁴ Там же, № 15049, л. 10.